

Лаказ Л.

**Четыре года
разведывательной работы
1914-1918 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л11

Л11 **Л. Л.**
Четыре года разведывательной работы 1914-1918 гг / Лаказ Л. – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 136 с.

ISBN 978-5-519-92332-3

ISBN 978-5-519-92332-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

щение, пока работают, и не вызывают сострадания, когда проваливаются, т. е. попадают в руки полиции». Сюда относятся Берта, Каваньетто, Кэти, Биркели и др. Если первыми буржуазия дорожит, прежде чем пустить на работу тщательно подготавливает в своих разведывательных школах, посылает лишь в нейтральные страны, где в случае провала они отделяются небольшим наказанием, а если посылает на территорию враждебной страны, то прячет их под крышей официальных представительств, пользующихся правом неприкосновенности, то вторыми она помышляет, как своими рабами. Руководителю буржуазной разведки не важно, останется ли жив посылаемый в разведку «номер». Не выполнит один, будет послан второй, десятый «номера», без всякой подготовки, без минимальной помощи в случае провала.

Книга написана живо, материал изложен достаточно ясно. Она вскрывает перед нашим советским читателем организационную структуру низовых (армейских) органов, руководивших французским и немецким шпионажем, дает представление о том, как строилась шпионская сеть на иностранной территории, какими коварными методами проводилась вербовка шпионов, какую категорию людей намечал и чем привлекал их в свои сети агент-вербовщик.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Черные тучи, возвещавшие о приближении войны, стали сгущаться в самом начале 1914 года.

В деревне, где я — эльзасский француз — занимался сельским хозяйством, эти тучи не чувствовались. Столетние липы и каштаны, окружавшие плодородные поля, луга, виноградники, спускавшиеся террасами с холмов, стада коров, мельницы, расположенные на реке, — все это дышало таким миром, что мысль о войне казалась чудовищной.

Другое положение было в городах. Между офицерами расквартированных там полков и эльзасцами-французами учащались своеобразные дуэли: при встречах немец-офицеров и французов каждый старался выразить в своем взгляде максимум презрения и ненависти... Атмосфера сгущалась. Все напряженно ждали какой-либо развязки.

И вдруг, занавес неожиданно поднялся. Началась драма, от которой до сих пор не может оправиться весь мир. Все стали зрителями этой драмы, и многие — ее участниками.

1 августа 1914 г., находясь в Мюлузе, я навестил своего старого друга — доктора Х. Это был настоящий эльзасский француз. Мне нечего было от него скрывать.

— Что вы думаете делать? — спросил он меня.

— Если бы не моя семья, я уехал бы отсюда, так как я не хочу служить в германской армии. А вы?

— Меня уже призвали, — ответил он. — Я пойду в германскую армию только ради стариков-родителей. Но

можете быть уверены, что я не пропущу ни одного случая оказать Франции столько услуг, сколько это будет в моих силах. Как жаль, что мы не сумели предвидеть того, что должно было случиться. Мы могли бы найти выход, а теперь, к сожалению, слишком поздно.

— Мне кажется, вы ошибаетесь. Главное теперь — это воспользоваться случаем. Я буду стараться держать с вами связь. Кто знает, быть может, мы увидимся в скором времени и на французской стороне, — ответил я.

На четвертый день после объявления мобилизации я поехал на призывной пункт в соседний город Фрейбург. Накануне моего отъезда ко мне заходил житель соседней деревни и советовал пройти освидетельствование в зале № 21, где будет осматривать запасных доктор Цубер. До мобилизации доктор Цубер имел практику в Х. и был моим хорошим знакомым. Я надеялся не быть мобилизованным.

В то время мне было 38 лет, и я числился в XIV резервном армейском корпусе.

Мобилизация проходила спокойно и организованно. В среде эльзасских немцев особого энтузиазма не замечалось.

В Х. я сел на поезд, наполненный эльзасскими резервистами. В вагоне никто не проронил ни слова. Каждый опасался незнакомого соседа.

Очутившись по ту сторону Рейна, я заметил, что и баварцы не были охвачены большим энтузиазмом, чем мы. Здесь я впервые за последние пять дней услышал радостную весть. На перроне вокзала стоял начальник станции, старенький капитан, одетый в форму, уже вышедшую из употребления. Он распечатывал пакет, поданный ему вестовым, стоявшим на вытяжку в шести шагах от него. Я увидел, как во время чтения бумаги лицо старого солдата побледнело, и он произнес внезапно охрипшим от волнения голосом:

— Англия объявила Германии войну! Теперь нам крышка!

— Это не играет роли, — сказал вестовой, — одним противником больше, одним меньше...

— Не будьте так самонадеянны. Англия еще никогда не проигрывала войны, — ответил старик.

Все сидящие в купе слышали этот разговор, но в глазах этих людей я не прочел и искры сожаления.

Военная дисциплина дала себя знать, как только мы приехали в Фрейбург. Офицер в сопровождении фельдфебеля и четырех рядовых выстроил нас на перроне.

«Смирно! Держать воинский билет в руках! Первая группа в 10 зал, вторая — в 21, шагом марш!»

Неудача: я — в первой группе. Что делать? Быстро открываю свой чемоданчик и роняю его на землю. Все содержимое вываливается.

— Что делает эта свинья? — заорал унтер, ведущий нас. — Что ты ждешь? Собирай быстрее вещи и догоняй нас!

Медленно и неловко собираю вещи и когда прошла вторая группа, бегом догоняю ее. Останавливаемся перед 21 залом. Терпеливо жду своей очереди. Небольшими группами люди входят в комнату, где осматривает и расспрашивает их доктор Цубер. Полковой врач с важностью прохаживается взад и вперед. Всякий раз, как он подходит, Цубер кричит, как сумасшедший, и ругает тех, кто окажется больным. Врач отвернулся — и Цуберу удается забраковать несколько человек. Когда подошла моя очередь, я кашляю и, подходя к Цуберу, делаю страдальческое лицо.

— Не беспокойтесь, — орет он, — какая-нибудь незначительная простуда не освободит вас. Стойте прямо, чорт возьми, когда я с вами разговариваю!

Потом, выбрав удобный момент, он говорит более тихим голосом: «У вас были приступы апендицита. Понятно». И, прокричав сердитым тоном: «забраковать!» — попутно добавляет по-французски: «Дайте 20 марок сержанту, и все будет в порядке». Сержант находился в соседней комнате. Он выдавал удостоверения забраккованным. На моем удостоверении он написал: «Временно забраккован. Ожидать приказа». Я ему сунул в руку золотую монету, он молча взял ее, предварительно осмотревшись.

Прошло несколько дней. Ходили самые разнообразные слухи, но никто ничего определенного не знал. Слышалась отдаленная канонада со стороны Вогезских гор.

Приблизительно месяц — полтора прошло в относительном спокойствии. В немецких газетах сообщалось

о победах. Продолжая получать миланскую газету, я, возможно, был единственным человеком в Эльзасе, который узнал о блестящей победе французов при Марне. Я поделился этой новостью с мэром и аббатом Н. Аббат, вероятно, разгласил эту новость, так как несколько дней спустя ко мне явился почтальон и объявил, что итальянской газеты я получать больше не буду. Во второй раз он пришел 15 сентября для того, чтобы сообщить, что в скором времени будет объявлена дополнительная мобилизация и что на этот раз меня без сомнения заберут.

— Если бы я был на вашем месте, я отправил бы свою семью в Италию, — сказал мне мэр.

— А выпустят ее за пределы Германии?

— Может быть. Во всяком случае не мешает попытаться. Я дам вам пропуск.

Против ожидания моя жена и трое детей беспрепятственно проехали через швейцарскую границу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БЕГСТВО

16 сентября группа крестьян пришла ко мне на ферму.

— Появился приказ о мобилизации всех мужчин, способных носить оружие. Завтра нужно будет ехать, но мы не хотим. Что теперь делать? — спрашивали они.

Я ответил:

— Нам требуется не более пяти часов, чтобы добраться до С., который занят французами. Едем туда сегодня ночью.

— Но немцы будут стрелять в нас?

— Это еще не доказано. Среди вас есть Биркель, самый ловкий браконьер Верхнего Эльзаса. Пусть он проведет нас в С. Остальное я беру на себя.

— Мы знаем, что вы все устроите, потому мы и пришли к вам.

Когда все крестьяне вышли за ворота, ко мне вернулся браконьер.

— Скажите откровенно, вы серьезно решили ехать в С.? — спросил он.

— Да, — отвечал я, — совершенно серьезно. Я никогда не буду служить немцам.

— Я также, это было бы слишком глупо. Вы правы, пройти к французским позициям не представляет особого труда. В С. живет моя сестра, и я уже два раза побывал у нее. Завтра я снова иду туда.

— Хорошо, я пойду с вами. В котором часу вы отправляетесь?

— В три часа утра я зайду за вами. Но только никому ни слова.

В назначенное время Биркель открыл калитку моего сада, у которой я его поджидал.

— Старик Даниель,— сказал я,— пойдет впереди нас. Если его остановят, мы услышим во-время.

— Идея хорошая.

Скоро подошел и Даниель — один из самых старых работников фермы, младший сын которого служил во французской армии. В руках он держал маленькое ведро для ягод.

Наше бегство осталось незамеченным. Сначала мы шли по хорошо знакомой мне дороге, но затем мой провожатый свернул на незнакомую тропинку.

— Недавно здесь прошел патруль из 5 человек,— внезапно сказал он, указывая на следы, видневшиеся на земле.

— Французы?

— Да нет же, — ответил он, — видите, каблук подкован железом, что бывает только у немцев. Не больше, как час тому назад, они были здесь.

Через двадцать минут он снова остановился и внимательно прислушался. Потом, делая мне знак следовать за ним, быстро сошел с тропинки и спрятался в густом кустарнике. В 30 метрах от нас мы внезапно услышали окрик по-немецки:

— Стой! Кто идет?

Даниель ответил:

— Не стреляйте, это свои.

— Что вы тут делаете? — спросил голос.

— Видите, я собираю малину.

— Малину! Война, враг, опасность, все это для вас не существует?

— Откуда вы? Давайте ваши бумаги... Ну, живо, убирайтесь. Если вы еще раз попадетесь мне, я вас арестую как шпиона.

Увидев солдат, прошедших недалеко от нас, мы сидели, не шевелясь и задерживая дыхание. Наконец, мой проводник встал.

— В путь, — сказал он, — они уже далеко.

В продолжение двух часов мы шли без отдыха. Я сильно устал и не мог больше двигаться. Как только мы вышли на луг, покрытый густой высокой травой, раздался выстрел.

— Ложитесь! — скомандовал браконьер и спокойно добавил: — Теперь можете кричать «Франция».

— А если это немцы?

— Глупости, об этом и не думайте.

Я вынул из кармана платок и, помахивая им над головой, крикнул:

— Не стреляйте, мы друзья!

— Подойдите сюда! — ответил нам голос с противоположной стороны луга.

Под деревом стоял солдат М. стрелкового батальона.

— Вы куда направляетесь?

— В С. Где можно найти вашего начальника?

— Идите по этой дороге, там вам укажут.

Пять минут спустя мы шли по большой дороге, направляясь к деревне. Вдруг, слышу, что кто-то окликает меня по имени. Оборачиваюсь, передо мной стоит мой двоюродный брат Рауль и, радостно улыбаясь, говорит:

— Вот встреча. Это прямо невероятно!

На нем был серый костюм и серая шляпа. Винтовка немецкого образца была перекинута за плечо.

— Значит теперь ты наш? А твоя жена? — спрашивает он.

— В Италии вместе с детьми.

— А ферма?

— Доверена управляющему, — ответил я. До последнего момента я оставался на своем посту, но после дополнительной мобилизации решил бежать.

— Я был уверен, что ты придешь к нам. Есть ли у тебя какие-либо сведения?

Я сообщил ему все, что узнал три дня тому назад в Мюлузе и Кольмаре.

— Особо важного ничего нет. Все это ты расскажешь вечером капитану в М., а сейчас идем к командиру батальона.

Мы прошли через весь С., представлявший собой не что иное, как несколько домов, расположенных по краям дороги. В этом местечке Рауль познакомил меня с лейтенантом Пренсом, командующим расквартированной здесь ротой. Потом мы сели в повозку и к 12 часам подъехали к маленькой ферме, где расположился штаб батальона.

Командир батальона принял нас очень хорошо и даже пригласил позавтракать.

— Что вы знаете, — спросил он меня, — о войсках противника, расположенных против нас? Если не ошибаюсь, это соединения XVI корпуса?

— Да, господин начальник, вы правы. Мой проводник видел немцев в 500 метрах от С., он утверждает, что за последнюю неделю они продвинули вперед свои посты.

— Это надо будет расследовать не позднее сегодняшней ночи, не правда ли, молодой человек? — обратился начальник к Раулю.

— Вы хотели ехать в М.? Ничего не поделаешь, поедете завтра, а сегодня пойдете в разведку вот с этим товарищем.

Он указал на молодого, красивого, щегольски одетого в форму артиллериста человека, который только что вошел. Фамилия этого человека Валери.

Во время нашей беседы привели четырех пленных, среди них был унтер-офицер.

— Передаю их вам, — сказал нам капитан, указывая на пленных.

В отдельных комнатах Рауль и Валери начали допрашивать рядовых.

— Голосую за дурака, как сказал Клемансо, — шутит Рауль, подзывая неуклюжего немца, смотрящего на нас с видом затравленного зверя. — Мне кажется, это наилучшая система. Вот у таких пентюхов я всегда выуживаю кое-что и, таким образом, если другие начнут рассказывать мне басни, немедленно ловлю их на слове.

Солдат сначала отказался отвечать на вопросы. Рауль, до этого имевший вид добряка, сделал свирепое лицо и скомандовал:

— Стоять смирно, когда с тобой разговаривают.

Солдат моментально шелкнул каблуком и вытянулся. — Таково уж у них чувство дисциплины. Движение это было чисто механическое, и после этого Раулю ничего не стоило выпытать у него все, что было нужно. Я тем временем переводил на французский язык бумаги, найденные у арестованных.

Когда очередь дошла до унтера, он объявил, что решительно ничего не знает.